

УДК 069.015(470.41)''1920/1930''

И. Б. Сидорова

СУДЬБА ГУМАНИТАРНЫХ МУЗЕЕВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-е гг.

Общепризнано значение университетских музеев для развития мировой и отечественной науки, образования и, в целом, культуры. Бесспорна их выдающаяся роль в становлении музейной теории и практики. Как предмет изучения они представляют интерес для специалистов самых разных научных дисциплин – от философских, исторических, до узко-профильных. В отечественной литературе преобладает изучение отдельно взятых университетских музеев. Редкие обобщающие труды относятся преимущественно к дореволюционной истории¹. Незаслуженно в тени остается задача исследования университетских музеев в отдельные периоды XX в., отличавшиеся своеобразием общественно-политической обстановки, государственной политики, состоянием университетского образования и другими факторами. Одним из таковых был период кардинальных перемен, последовавший за установлением советской власти и продолжавшийся до конца 1920-х гг., именно на него пришлось события революции и гражданской войны, новой экономической политики. Небезосновательно его называли переходным периодом от капитализма к социализму.

Один из старейших университетов России – Казанский, основанный по указу 1804 г., славен своими традициями, научными школами, в становлении и развитии которых немалую роль сыграли музеи. В общих трудах по истории Казанского университета (далее – КУ) гораздо больше освещен начальный этап их формирования, что определяет актуальность изучения последующего периода их истории². Учитывая разную судьбу музеев КУ в XX в., их можно разделить на три группы. К первой относятся музеи историко-филологического факультета и примыкавший к ним музей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Ко второй – музеи медицинского факультета, выделенного из состава КУ в 1930 г. в самостоятельный Казанский государственный медицинский институт. Третью группу составляют музеи, сохранившиеся в университете. Данная работа посвящена первой группе музеев, прочие лишь затрагиваются в связи с ними. Драматическая страница истории музеев гуманитарного профиля КУ не была предметом комплексного рассмотрения³.

¹ См.: *Бурлыклина М. И.* История становления и развития университетских музеев дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Назимова Г. Р.* Университет и музей: Исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004.

² *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1-2; Казанский университет имени В. И. Ульянова-Ленина в 1917–1946 гг. / Сост. проф. И. А. Дюков // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 107. Кн. 3. Казань, 1947; История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Материалы к обсуждению. Казань, 1954; Казанский университет. 1804–1879: Очерки истории. Казань, 1979; История Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004.

³ *Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Юсупов П. В.* Этнографический музей Казанского государственного университета // Советская этнография. 1948. № 1. С. 222–225; Краткие путеводители по университету. Этнографический музей / Составители: Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Казань, 1957; *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Этнография в Казанском университете. Казань, 2002; *Сыченкова Л. А.*

В предреволюционный период официально признанный самостоятельный статус имели только музеи историко-филологического факультета – Искусств и древностей, Нумизматический и Отечественедения. Музеи физико-математического факультета находились в структуре кабинетов: зоологического, зоотомического, минералогического, геологического, географического. Музеи медицинского факультета – Физиологической и Патологической анатомии – относились к Анатомическому институту. Этим не исчерпывается список учреждений музейного типа. Так в структуре ботанического кабинета музеев не значился, но в нем имелись гербарий, ботанический сад, оранжерея. Неофициальный музей фактически существовал при лаборатории органической химии, где со времен профессора А. М. Бутлерова (1863 г.) была введена особая должность штатного хранителя музея⁴. Коллекции некоторых других кабинетов (например, судебной медицины) порой также неофициально именовались «музеями».

Накануне революции 1917 г. музеи историко-филологического факультета возглавлялись заведующими – профессорами⁵, как и кабинеты физико-математического и медицинского факультетов. Общим правилом было наличие штатных и внештатных хранителей, имевших высшее образование, нередко магистерскую степень, должность приват-доцента. Однако на все музеи историко-филологического факультета приходилась лишь одна штатная должность хранителя, что вызывало затруднения в ведении делопроизводства, обслуживании студентов, и порой приходилось прибегать к помощи наемных лиц. Эти обязанности не могли выполнять технические служители, состоявшие при каждом кабинете и музее.

Закон 3 июля 1914 г. об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях императорских российских университетов, упразднил должность хранителя и вместо нее ввел должности старших и младших ассистентов. Эта мера воспринимается неоднозначно: с одной стороны, она повышала статус научного работника, а с другой – снижала персональную ответственность за состояние музея. Штатных единиц по-прежнему не хватало.

Финансирование кабинетов и музеев, включая пополнение коллекций и оборудование, производилось из штатных сумм, определенных Министерством народного просвещения. Заведующие представляли свои заявки на рассмотрение факультетов, решения которых утверждались попечителем учебного округа. Важную роль играла практика дарения экспонатов частными лицами. Экспедиции, привозившие новые коллекции, финансировались, как правило, научными обществами при университете – Обществом естествоиспытателей, Обществом археологии, истории и этнографии, Обществом врачей.

В первые послереволюционные годы все университетские музеи продолжали оставаться в структуре своих подразделений и действовать в соответствии с традициями. Это особенно заметно на примере гуманитарных музеев. Архивные документы свидетельствуют о том, что вплоть до самого закрытия историко-филологического факультета (1 июня 1921 г.)

История «Музея изящных искусств» и складывание нового стиля культурной жизни в Казани // Казанский посад в прошлом и настоящем. Сб. статей и сообщений науч.-практ. конф., состоявшейся 21 мая 2002 г. Казань, 2002. С. 127-134.

⁴ Сейчас он носит название Музея Казанской химической школы и располагается в мемориальной лаборатории.

⁵ Директором Музея отечествоведения был Д. А. Корсаков, с ноября 1916 г. – Н. Н. Фирсов; директором Нумизматического музея – Д. И. Нагуевский, с июня 1918 г. – Н. Ф. Катанов; директором Музея искусств и древностей – А. М. Миронов.

их собрания пополнялись путем закупок и дарений⁶, активно использовались в учебных, научных и просветительских целях⁷. Так, сохранилась заявка Свяжского уездного отдела народного образования в Музей искусств и древностей от 26 апреля 1920 г. о проведении экскурсии для 200 учащихся, приезжающих в Казань 1 мая, на которой есть положительная резолюция заведующего музеем, А. М. Миронова⁸. Помещение Нумизматического музея стало временным пристанищем для частных историко-художественных и научных коллекций летом 1918 г., когда гражданская война вплотную подошла к Казани, но в марте 1919 г. произведения прикладного искусства были изъяты и переданы Казанскому губернскому музею по ходатайству его директора Б. Ф. Адлера⁹. Коллекции монет и медалей сохранялись. Даже местная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, конфисковавшая в декабре 1919 г. 97 золотых монет Нумизматического музея, вскоре вернула их обратно, сличив опись с документальным каталогом. Агентами ЧК были «доставлены для включения в состав коллекций жетоны, медали и монеты бронзовые, медные, никелевые и серебряные общим весом в два пуда. Весь этот дар Губернской чрезвычайной комиссии оказывается относящимся до истории и археологии Польши». Об этом доложил директор Нумизматического музея профессор Н. Ф. Катанов Совету университета и факультету¹⁰.

Очень требовательно подходил историко-филологический факультет к выбору ассистента для своих музеев (должность была по-прежнему одна). На освободившееся место в конце 1918 г. подали заявления три претендента. После обстоятельного разбора кандидатур в марте 1919 г. большинством голосов была избрана Ксения Николаевна Кравченко. В ее пользу говорили образование, знание истории западноевропейского и русского искусства (проверенное профессором А. М. Мироновым), владение тремя иностранными языками, профессия художницы, которая должна была помогать в деле сохранения и реставрации художественных произведений¹¹.

После упразднения историко-филологического факультета его кабинеты, библиотеки и музеи перешли к факультету общественных наук¹², в структуре которого предполагалось создать новую кафедру археологии и музееведения. Об этом говорит постановление факультета общественных наук КУ 6 марта 1922 г. Главпрофобр 11 марта 1922 г. издал приказ об учреждении археологического кабинета, и началось его создание, прерванное постановлением Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР 26 мая 1922 г. о ликвидации факультета общественных наук¹³.

Музейные и книжные ценности передали только что созданному в Казани Восточно-педагогическому институту (далее – ВПИ), но фактически бывшие музеи (теперь кабинеты) остались в старых университетских помещениях. В дальнейшем Нумизматический кабинет так и не был востребован новым учебным заведением, в программе которого отсутствовали дисциплины, имеющие отношение к нумизматике. Кабинет искусств

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 77; Д. 2. Л. 47, 60 об.

⁷ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 11 об.; Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (далее – ОРРК НБКУ). Ед. хр. 2543-3. Л. 639.

⁸ ОРРК НБКУ. Ед. хр. 2544-2. Л. 21.

⁹ ОРРК НБКУ. Ед. хр. 2543/3. Л. 630; Ед. хр. 2544-2. Л. 21.

¹⁰ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 15. Л. 146; Оп. 2. Д. 1. Л. 118, 118 об.

¹¹ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 19 об.-20 об.

¹² НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 41. Л. 38, 66.

¹³ *Исаков А. П., Исаков Е. П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами). Казань; Лондон, 2004. Т. 1. С. 293, 295.

использовался лишь в первые годы, пока читался соответствующий курс. После его отмены в 1925 г. художественные коллекции и библиотека по искусству были свернуты. Оказавшийся в трудном положении Кабинет соединили с Археологическим кабинетом, учрежденным при ФОНе, и таким образом появился Кабинет истории материальной культуры, служивший базой преподавания соответствующей учебной дисциплины для студентов музейно-этнографического отделения ВПИ. В 1927-м учебном году это отделение было упразднено, и Кабинет стал таким же ненужным, как и Нумизматический.

31 января 1927 г. Совет Общества археологии, истории и этнографии при КУ за подписями председателя Н. Н. Фирсова и секретаря Н. И. Воробьева направил в правление Казанского университета письмо-обращение. В нем говорилось, что данными кабинетами никто не может пользоваться, «а между тем нумизматическое собрание представляется одним из наиболее крупных в СССР, а библиотека по искусству – единственная в Казани солидная библиотека, без которой невозможна работа по вопросам искусства. Замораживание означенных кабинетов, как ненужных ВПИ, заставляет Общество археологии, истории и этнографии, как единственную организацию при Университете, занимающуюся разработкой исторических дисциплин, обратиться в Правление Университета с просьбой возвратить эти замороженные кабинеты обратно в Университет, ибо они все же созданы силами и средствами Университета, и передать их в ведение Общества археологии, истории и этнографии. Среди членов Общества имеется ряд лиц, интересующихся разработкой тех научных вопросов, для которых приспособлены эти кабинеты, и оно сумеет создать вокруг этих кабинетов группу лиц, которые будут использовать эти кабинеты по прямому назначению. В этих кабинетах будет вестись научная работа ...»¹⁴.

Правление КУ (ректор А. И. Луньяк, проректор проф. А. Н. Миславский) 5 февраля 1927 г. направило в Отдел вузов Главпрофобра соответствующее ходатайство, дополнив его ссылкой на научный авторитет и заслуги Общества археологии, истории и этнографии, имевшего полувековую историю, создавшего свой богатейший музей и библиотеку, которыми пользовались многие ученые России и Запада. Это не помогло.

Дело решилось не в пользу университета, да и позиция его правления была отнюдь не последовательной. Ссылаясь на нехватку помещений, администрация КУ потребовала от ВПИ освобождения занимаемых кабинетов. Надо было искать пристанище для коллекций. К заведующему Кабинетом материальной культуры ВПИ профессору В. Ф. Смолину 14 августа 1928 г. обратился с письмом заместитель директора Центрального музея Татарской республики П. М. Дульский: «В связи с Вашим заявлением о предполагаемой передаче Музею имущества Вашего кабинета, Музей сообщает, что он благодарит ВПИ за предлагаемый дар и согласен принять имущество при условии, если Кабинет будет передан в целом виде, то есть Ваш Музей вместе с библиотекой, т.к. библиотека пополнилась в связи с имеющимися там коллекциями и для работы по коллекциям необходима библиотека»¹⁵. 15 августа 1928 г. с проходившей там выставки «Каменный век» Центральному музею было передано 13 коллекций в сопровождении 13 каталогов. Коллекции принадлежали Обществу археологии, Географическому кабинету КУ, Кабинету истории материальной культуры ВПИ и наследникам П. А. Пономарева (бывшего члена Общества археологии, истории и этнографии). Потом туда же передали соответствующую коллекцию, принадлежавшую покойному профессору Н. Ф. Высоцкому, полученную Обществом

¹⁴ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

¹⁵ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 196.

археологии от Хирургической клиники КУ, где она хранилась¹⁶. Всего в августе 1928 г. Центральный музей поступило 1333 предмета¹⁷.

В конце июля 1929 г. правление КУ предложило ВПИ освободить помещение Нумизматического музея, а в ноябре того же года – переложить монеты «из громоздких шкафов, занимающих без нужды, большую и полезную площадь, в небольшое хранилище (например, в сундук), место которому всегда найдется в здании ВПИ»¹⁸. Передача нумизматических коллекций происходила с 29 августа по 4 сентября 1930 г. ВПИ представлял доцент Д. М. Банин, Центральный музей – заведующий археологическим отделом Н. Ф. Калинин, при участии сотрудника того же музея А. В. Васильева. Они произвели осмотр музея, подготовили коллекции и имущество к перевозке в Центральный музей. По документальному каталогу Нумизматического музея была проверена коллекция монет и медалей Нумизматического кабинета КУ. Указаны некоторые отсутствующие монеты. «Остальные коллекции в виду необходимости спешной перевозки не были детально просмотрены, а лишь тщательно уложены в том порядке, в каком они хранились в витринах, сохраняя у каждого предмета их этикетки». Не имевшие этикеток были в россыпи. В одном из шкафов оказались нумизматические коллекции с запиской «Коллекции Общества археологии, истории и этнографии», каковые без проверки уложены отдельно». Все коллекции были упакованы в один сундук, две закрытых витрины и один ящик стола. На сундуке была поставлена пломба, витрины опечатаны печатью ВПИ. Шкафчик с подписью «Дар Ф. Т. Васильева 1905 года» без вскрытия был опечатан печатью ВПИ. Были переданы также 3 книжных шкафа, витрины для монет: стоячие вертикальные – 7, стоячие горизонтальные – 9, стулья, лестница к витринам, сундук, бюсты, чернильница, нумизматические весы; витрины висячие – 5, сундук – 1, шкафчик с коллекцией Ф. Т. Васильева, маленький наклонный столик. Все вышеперечисленные коллекции и имущество переходили в собственность Центрального музея, кроме трех книжных шкафов и диапозитивного фонаря, переходивших к ВПИ. Кроме того, были переданы три документальных каталога к нумизматической коллекции, два каталога библиотеки, одна книга для записи имущества, различные документы в 15 переплетах и шести папках. Всего в ЦМ, судя по архивным данным, поступило 11 836 монет и медалей из коллекций бывшего Нумизматического кабинета¹⁹, когда-то являвшегося гордостью университета.

Основная часть коллекций музея Общества археологии, истории и этнографии находилась в Кабинете географии и этнографии физико-математического факультета КУ. Его заведующий, профессор Б. Ф. Адлер, до приезда в 1911 г. в Казань работал в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого и в Этнографическом отделе Русского музея. Он

¹⁶ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 134. Л. 9-9 об.

¹⁷ Буров Д. Г. Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из архива сектора учета НМ РТ) // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Казань, 2004. Ч. I. С. 28.

¹⁸ НАРТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1679. Л. 11-11 об., 14.

¹⁹ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 134. Л. 2-3; Сингатулина А. З. Из истории Нумизматического кабинета Общества археологии, истории и этнографии // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сб. научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Казань, 2004. Ч. I. С. 35.

задумал создать в КУ крупный научный музей путем объединения коллекций Географического кабинета, Общества археологии, истории и этнографии, музеев историко-филологического факультета. «Соединение всех этнографических и археологических коллекций Университета в одно место, систематическое и научное выставление их дает возможность при географическом кабинете создать одну из самых богатых в России лабораторий по изучению культуры человека вообще и культуры местного края в частности»²⁰. Его идеи не просто перекликались с идеями, воплощавшимися в это время в петербургских музеях, но являлись формой их своеобразного творческого развития на богатом университетском материале²¹.

Первыми в Кабинет географии в декабре 1913 г. поступили этнографические коллекции Музея Отечестваведения, в том числе «предметы-уники, которые и по рыночной цене оцениваются в несколько сот рублей каждый (например, камлейки алеутов, китайский древний лак, забытый теперь и в самом Китае)»²². Они были собраны несколькими поколениями ученых, начиная с первой четверти XIX в. Часть из них Музей передавал навсегда, часть – временно. Одновременно передавалась и комната с прилегающим коридором. Географический кабинет стал занимать шесть комнат на втором и третьем этажах²³. Кроме заведующего в нем имелась штатная должность лаборанта (с 1915 г. – ассистента), в которой состоял приват-доцент В. Н. Сементовский (профессор и заведующий кабинетом с 1926 г.). Имелся сверхштатный лаборант, а также два служителя²⁴.

Профессор Б. Ф. Адлер убедил членов Общества археологии, истории и этнографии передать для экспонирования коллекции, которым не находилось достойного места в университете (в то время они были сложены в подвале бывшего студенческого общежития). В результате в конце 1913 г. в помещение Географического кабинета был перевезен богатейший археологический музей. «Этот материал (главным образом по бронзе и железу) в соединении с имеющейся богатейшей коллекцией Географического кабинета по каменному веку, позволит создать (если будут средства на монтаж) первоклассный музей по археологии, равного которому ни в одном университете в России до сих пор нет», – был убежден Б. Ф. Адлер²⁵.

В последующие годы Общество археологии, истории и этнографии продолжало передавать материалы раскопок из Болгар, Билярска и других мест. В 1915 г. Кабинет географии и этнографии получил для временного пользования прекрасные коллекции по археологии Туркестана, принадлежавшие Музею искусств и древностей. Они давали «возможность представить развитие и влияния в мусульманском зодчестве и культуре Болгар, Увека, Сарая и Средней Азии»²⁶.

Кроме археологического и этнографического отделов в музее планировался антропологический отдел. Для его устройства поступили временно переданные краниологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии²⁷.

²⁰ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. Казань, 1914. С. 102.

²¹ Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964. С. 87-99.

²² Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. С. 102, 110.

²³ Там же. С. 101, 117.

²⁴ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань, 1916. С. 10.

²⁵ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. С. 110.

²⁶ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. С. 114.

²⁷ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. С. 110.

История создания нового музея описана в литературе²⁸. С конца марта 1914 г. он начал функционировать. Сделано было очень много. Благодаря ассигнованию Обществом археологии, истории и этнографии средств удалось перестроить его старые витрины в шкафы, заказать новую мебель для археологических коллекций. Обновленный музей Кабинета географии стал настоящей достопримечательностью Казанского университета. Он посещался многими учащимися, отечественными и зарубежными специалистами. Члены Общества археологии, истории и этнографии выразили благодарность за его создание профессору Б. Ф. Адлеру. Но средств не хватало, «поэтому значительная часть богатейших коллекций по археологии вовсе не выставлена и ждет лучшей участи». То же самое касалось этнографических коллекций: «Для необходимых целей преподавания выставлены пока лишь Океания, Африка, Америка, Сибирь, Китай; богатейшие же коллекции по Европейской России – исключительно вещи местных инородцев – гордость и слава нашего университета, свалены в плохих ящиках и обеспечены на неминуемую гибель, если не будут во время заказаны шкафы»²⁹. Б. Ф. Адлер писал: «Будем надеяться, что отсутствие мебели и неудобное расположение кабинета в двух этажах, после войны также получают соответствующее благоприятное разрешение, равно как и должность второго лаборанта станет платной»³⁰.

Годы революции и гражданской войны самым неблагоприятным образом отразились на состоянии Кабинета географии и этнографии. Отчет за 1920 г., подписанный тем же заведующим, проникнут горечью: рост коллекций по отделам этнографии, антропологии и географии остановился, работа по устройству кабинета совершенно прекратилась. Удалось лишь развернуть антропологический отдел в бывшем помещении гистологической лаборатории, возвращенном Географическому кабинету. «Из-за отсутствия шкафов имеющиеся коллекции не выставлены. Лишь зарисовка этнографических коллекций шла усиленным темпом. Работать в кабинете вообще почти невозможно: температура в -3° С не дает возможности чертить, вода замерзает, газ не идет, после чтения лекций остаешься без голоса, нет приборов – все изнашивается, нет средств, нет нафталина и формалина для дезинфекции коллекций, которые обречены на гибель, нет спирта для спиртовых препаратов, которые высохли. Одним словом, картина работы прямо-таки удручающая»³¹. Тем не менее, в 1920 г. в музее была открыта выставка «Культура народов Востока».

В этом отчете не были упомянуты археологический отдел, учет коллекций, хотя проблема стояла остро. Опись переданных вещей не была составлена, не было и каталогов. 22 декабря 1918 г. Б. Ф. Адлер демонстрировал общему собранию Общества археологии, истории и этнографии образец регистрационной музейной карточки, и было принято решение заказать 10 000 ее экземпляров в университетской типографии³². Однако своей типографии университет лишился.

В следующем году ситуация не улучшилась. Произошло хищение из музея разных вещей, о чем было сообщено в Отдел уголовного розыска. В апреле 1921 г. Б. Ф. Адлер ходатайствовал о ремонте крыши, об отпуске двух пудов нафталина и раствора формалина³³. Видимо, он ощущал неудовлетворенность состоянием дел, хотя много работал, будучи

²⁸ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. Казань. С. 61.

²⁹ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. С. 111-112.

³⁰ Там же. С. 116.

³¹ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 38. Л. 5-6 с об.

³² Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии при государственном Казанском университете за 1919 год. Казань, [б. г.]. С. 5.

³³ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 36. Л. 24 об., 28 об.; Оп. 3. Д. 10. Л. 50.

директором Центрального музея Татарской республики, председателем Отдела по делам музеев и охраны памятников Татнаркомпроса, председателем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В начале 1922 г. он уехал в заграничную командировку, после чего перевелся в Московский университет. Кафедра географии, этнографии и антропологии оставалась вакантной до 1926 г.

В 1922–1926 гг. Кабинетом географии заведовал ассистент Н. И. Воробьев, ставший также директором Центрального музея Татарской республики. В 1923–1924 гг. он подверг Этнографический музей «основательной чистке и перестановке» на средства Центрального музея, «так как ни Университет, ни ВПИ не отпустили на это нужных средств». Музей посещали советские и иностранные ученые, аспиранты, студенты КУ, ВПИ, Рабфака, воинских частей и профсоюзов (было проведено 38 экскурсий)³⁴. Приведением в порядок коллекций, прежде всего негативов, диапозитивов, фотографий и рисунков, составлением их карточного каталога занимался ассистент Н. И. Масленников. В 1929 г. он организовал Научный фотографический кружок при кабинете географии и этнографии³⁵. В 1920-е гг. при кабинете имелись два служителя³⁶.

В середине 1920-х гг. Общество археологии, истории и этнографии приступило к инвентаризации и научному описанию археологических коллекций, находившихся в Кабинете географии, работы шли под руководством хранителя музея Общества археологии, истории и этнографии, профессора В. Ф. Смолина (работу выполняла член Общества Л. И. Вараксина). Средства были предоставлены из бюджета Общества и из субсидии Татнаркомпроса. Описание проводилось по схеме Русского музея. Каждая коллекция описывалась подробно, с использованием русской и иностранной литературы, рукописей и дневников исследователей, производивших раскопки. К апрелю 1928 г. было описано 45 коллекций и составлен подробный инвентарь³⁷.

Чтобы спасти музей и библиотеку Общества археологии, истории и этнографии его председатель, профессор Н. Н. Фирсов не раз просил правление КУ выделить помещение, но безуспешно. После передачи коллекций каменного века встал вопрос об остальных, особенно болгарских. При объединении с коллекциями ЦМ «они выиграют и в смысле полноты, взаимодополнения и для доступности более широким массам, для их изучения», – считал заместитель директора Центрального музея. Единственное затруднение, по его словам, заключалось в недостаточном количестве музейной мебели, почему Музей и просил Совет Общества археологии, истории и этнографии передать коллекции со шкафами, в которых они сейчас размещены. «Само собой разумеется, что такая передача является временной и права собственности Общества должны оставаться неприкосновенными»³⁸.

Сохранился «Акт передачи коллекций ОАИЭ при Казанском гос. университете в Центральный музей ТССР» от 10 июня 1929 г.³⁹ Общество представляла Л. И. Вараксина, Центральный музей – заведующий археологическим отделом Н. Ф. Калинин, который принял

³⁴ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 36. Л. 114; Отчет ОАИЭ при КГУ с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г. [Б. м., б. г.]. С. 5.

³⁵ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 38. Л. 5 об.; Оп. 3. Д. 62. Л. 82.

³⁶ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 36. Л. 113.

³⁷ Отчет ОАИЭ при КГУ с 31 марта 1924 г. по 1 апреля 1927 г. [Б. м., б. г.]. С. 3; Отчет ОАИЭ при КГУ с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г. С. 5.

³⁸ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 121.

³⁹ Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМ РТ). Фонды. Архив. Отдел учета и хранения. Д. 27. Л. 29.

коллекции по шести спискам. В них вошли материалы из Болгарского городища (не только предметы, но и фотографии, рисунки, чертежи), археологические находки, сделанные на территории города Казани (каменные ядра, изразцы, карнизы терракотовые, куски надгробий, глиняные сосуды, железные и медные предметы), Укекского городища близ Саратова, Билярска и многое другое. Один только Список VI включал 49 археологических коллекций разного происхождения. «Все эти коллекции проинвентаризированы. Инвентарные описи приложены в особой папке»⁴⁰. Вместе с коллекциями было передано 45 шкафов и 2 музейных витрины.

На заседании научного совета Центрального музея 26 сентября 1929 г. Н. Ф. Калинин доложил о поступлении «всего Археологического музея ОАИЭ при Казанском университете»⁴¹, но в январе 1931 г. состоялась еще одна передача коллекций⁴². По общим подсчетам, в результате трех передач от Общества поступило 8346 предметов археологии, что составляло около 25 % всего количества предметов археологического отдела Центрального музея (34 855 единиц) на 1930 г. Главное же, «музей приобрел интереснейшие коллекции, многие из которых до сих пор являются эталонными для Волго-Камского региона»⁴³. Можно по-разному оценивать этот факт, но с точки зрения университетских традиций он вызывает сожаление. В 1978 г. по инициативе профессора А. Х. Халикова на основе археологического кабинета КУ был вновь создан Археологический музей. В него вошла незначительная часть материала, собранного дореволюционными учеными.

Общество археологии, истории и этнографии передало в Центральный музей и другие исторические реликвии. В начале Первой мировой войны его члены решили создать при своем музее особый отдел для хранения газет, журналов, книг, фотографий, писем, документов и разных предметов, относящихся к современной войне и отражающих участие в ней жителей местного края. За содействием они обратились к населению и в воинские части, расквартированные в Казани. К осени 1915 г. в Музей современной войны поступили, в частности, образцы немецкого и австрийского оружия, солдатские письма, брошюры⁴⁴. Позже его переименовали в Музей войны и революции. Он пополнялся вплоть до передачи осенью 1919 г. в Губернский музей, где его материалы должны были разместиться в экспозиции⁴⁵. Право собственности предполагалось сохранить за научным обществом.

Оно передавало в Губернский музей и художественные произведения, например, «Рисунки старой Казани» В. Турина, предназначавшиеся для экспонирования в отделе «Старая Казань»⁴⁶. Но этот сюжет, как и передача коллекций Музея искусств и древностей, требует дополнительного изучения с привлечением материалов Музея изобразительных искусств Республики Татарстан, куда потом попали эти коллекции. Пока не удалось документально проследить ликвидацию Музея Отечествоведения, библиотека которого, вполне вероятно, была включена в состав Кабинета русской истории, доставшегося ВПИ.

Этнографический музей КУ не разделил судьбы вышеназванных гуманитарных музеев – он не был ликвидирован или передан Центральному музею. Его лишь пытались несколько

⁴⁰ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 134. Л. 15 об.

⁴¹ НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 114. Л. 15 об.

⁴² НМ РТ. Фонды. Архив. Отдел учета и хранения. Д. 27. Л. 67 с об.

⁴³ Бугров Д. Г. Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан ... С. 26, 33.

⁴⁴ НАРТ. Ф. 977. Опись Совета. Д. 13073. Л. 2-3.

⁴⁵ Адлер Б. Ф. Научные общества и музеи при них // Казанский музейный вестник. 1920. № 5-6. С. 48; НАРТ. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 7. Л. 185 об.

⁴⁶ Отчет ОАИЭ при КГУ с 1 апреля 1927 г. по 1 апреля 1928 г. С. 3.

изменить. В юбилейной статье М. К. Корбута (1930 г.) сказано: «Начата работа по организации музея географического с подотделом местного края и музея истории культуры. Остающийся этнографический материал будет распределен по признаку народно-территориальному с учетом ландшафтной системы»⁴⁷. По документам Татнаркомпроса в списке музеев Казани на июль 1931 г. значится Музей народоведения в главном здании университета⁴⁸.

После разделения в 1930 г. кафедры географии на две самостоятельные кафедры физической и экономической географии, Этнографический музей перешел сначала к первой из них, а в середине 1930-х гг. – ко второй. Согласно приказу наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова от 13 апреля 1934 г. «Об укреплении научно-учебной базы Казанского государственного университета», он получил право иметь должность хранителя⁴⁹. В конце 1930-х гг. в нем был и свой заведующий. В 1939 г., в связи с празднованием 135-летнего юбилея Университета, коллекции музея частично развертываются в виде выставки, но во время Великой Отечественной войны вновь сворачиваются. Восстановление Этнографического музея в оставшемся в его распоряжении помещении произошло к середине 1946 г. под руководством заведующего кафедрой этнографии и археологии географического факультета, профессора Н. И. Воробьева. Коллекции были приведены в порядок, частично реставрированы⁵⁰. В конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. они насчитывали около 5000 предметов⁵¹. Сейчас музей относится к Институту истории Казанского федерального университета, располагаясь на прежнем месте.

Таким образом, закрытие музеев гуманитарного профиля в Казанском университете было связано с ликвидацией гуманитарных факультетов в 1921–1922 гг. и общей невостребованностью археологических, нумизматических, художественных коллекций новой системой вузовской подготовки. Сохранявшееся до 1931 г. как научный центр Общество археологии, истории и этнографии не отказывалось от собранных за полвека материалов, но переживало также не лучшие времена, оказавшись под прямым давлением властей, а затем было закрыто⁵². Ученые понимали ненужность собранных – ценнейших! – коллекций для университета революционной эпохи и вместе с тем важность их сохранения. Поэтому передача научных и художественных предметов в республиканский краеведческий музей в 1928–1931 гг. была мерой необходимой, хотя считалась временной. Поскольку она осуществлялась спешно, без должной подготовки, учетная документация была оформлена далеко не полностью, что не могло не нанести ущерб научной ценности материала. Единственный оставшийся из дореволюционных гуманитарных музеев университета Этнографический музей несколько десятилетий находился в очень трудном положении.

⁴⁷ Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие // Ученые записки Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина. Год издания LXXXX. Кн. 3-4. Казань, 1930. С. 350-351.

⁴⁸ НАРТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1836. Л. 13.

⁴⁹ Исаков А. П., Исаков Е. П. Летопись Казанского государственного университета... Т. 1. С. 386.

⁵⁰ Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Юсупов П. В. Этнографический музей Казанского государственного университета. С. 223, 224.

⁵¹ Краткие путеводители по университету. Этнографический музей. С. 3.

⁵² Сидорова И. Б. 1) Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете ...» (ОАИЭ в первые годы советской власти. 1917–1924) // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2003. № 3-4. С. 65-81; 2) ОАИЭ на последнем этапе своей истории (1924–1931 гг.) // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М. Г. Худякова. 22–25 марта 2004 г. Казань, 2004. С. 379-393.

Сейчас ситуация вновь не простая в связи с реорганизацией Казанского университета (превращением его в федеральный университет, объединением с другими вузами, переселением факультетов), а также реформированием в целом системы подготовки специалистов. Как будут дальше развиваться наши музеи, возникнут ли новые? Хотелось бы надеяться, что драматичный период их истории остался позади, и что музеи, в том числе гуманитарные, останутся важными центрами научной и учебной деятельности.

Информация о статье

Автор: Сидорова Ирина Борисовна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Irina.Sidorova@ksu.ru

Заглавие: Музеи Казанского университета в 1920-е годы: судьба гуманитарной составляющей.

Абстракт: Данная статья, основанная на архивном материале, рассказывает о драматичной судьбе пяти музеев гуманитарного профиля Казанского университета после Октябрьской революции 1917 года – трех музеев закрытого в 1921 г. историко-филологического факультета, музея Общества археологии, истории и этнографии, а также музея при кабинете географии (Этнографического музея) физико-математического факультета. Из них только последний сохранился до наших дней. Статья показывает, как Нумизматический музей, Музей искусств и древностей, Музей Отчествоведения и Музей Общества археологии, истории и этнографии работали и были ликвидированы. Показаны причины закрытия, обстоятельства и условия передачи коллекций в Музей Республики Татарстан.

Ключевые слова: гуманитарные науки, музей, реорганизация, университет.

On article

Author: Sidorova Irina Borisovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Kazan (Volga Region) Federal University. Irina.Sidorova@ksu.ru

Title: Museums of the Kazan university in 1920th: the destiny of a humanitarian component.

Abstract: The author based on an archival material tells about dramatic destiny of five museums of a humanitarian profile after the Great October Revolution – three museums of the faculty of history and philology closed in 1921, the museum of the Society of archeology, history and ethnography and also the museum at the Geography office (Ethnographic museum) of physical and mathematical faculty. Out of the five only the last has remained up to present. The article shows how numismatic museum, Museum of history of arts and antiquities, Museum of Fatherland and Museum of Society of archeology, history and ethnography worked and were liquidated. The reasons of closing of museums, circumstances and conditions transfer collections to the Museum of Republic Tatarstan are shown.

Key words: humanities, museum, reorganization, university.